

Юлия ДРУНИНА

МАСТЕРА —
МОЛОДЫМ

ВЕРНОСТЬ

У каждого поэта свой образ Музы. К Ахматовой приходила она в образе неизменной гостьи с дудочкой в руке, к Цветаевой — в образе Психеи, к Ольге Берггольд — в образе героической ленинградки...

Муза Юлии Друниной ассоциируется с образом светлокосой девушки в гимнастерке, прошедшей по военным дорогам Великой Отечественной.

Снова рядом
в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

Общезвестно, что рождению поэтов более всего благоприятствует эпоха бурных исторических потрясений.

Нет, это не заслуга,
а удача —
Стать девушке солдатом
на войне,

— через много лет допишет Друнина эти строчки, стихийно возникшие в тот момент, когда началось ее дорога на фронт.

Юлия Друнина в своей неутомимой причастности к риску и гибельной отваге подчас напоминает десантника, чудом уцелевшего при исполнении боевого задания. Может быть, поэтому не устает звучать в ее стихах тема жизни как высшей награды, которую следует постоянно оправдывать всей своей совестью, правдой, верой, а главное — не забывая мысленно разделять радость жизни с теми, кто погиб. «Я порою себя ощущаю связью между теми, кто жив и кто отнял войной» — в этом видит поэтесса свое истинное предназначение, выступая от имени поколения, кровно связанного с поэзией.

— Но было бы ошибкой думать, что поэтов рождает война, — говорит Юлия Друнина. — По этому поводу хорошо сказал Сергей Орлов: поэтов рождает мама и папа, а война их убивает. Он прав, конечно. И все-таки судьбу нашу можно назвать одновременно и трагической, и счастливой. Трагической потому, что в наше отрочество, в такие еще не защищенные, ранимые души ворвалась война, неся смерть, страдание, разрушение. Счастливой потому, что, бросив нас в самую гущу народной трагедии, война сделала гражданскими даже самые интимные наши стихи.

Мы пришли на фронт прямо из детства и свое школьное образование завершили в настоящей окопной школе. Наша судьба в силу трагических причин сразу совпала с народной в час самых тяжелых испытаний. Поэзия стала насущной необходимостью, духовной потребностью, своего рода органом чувств, без которого невозможно было бы обойтись.

В искусстве выражает себя такая сторона человеческой психики, которая не находит выхода в другом. В этом смысле человек, поставленный войной в состояние крайнего физического и нравственного напряжения, активизирует такие стороны своей психики, о которых он даже и не подозревал.

Да, человека создает время, оно формирует его характер, раскрывает его личность. Когда меня спрашивают, почему я выбрала поэзию, я отвечаю: не я выбрала поэзию, а она — меня. Из тех людей моего поколения, кто остался в живых после войны, многие оказались поэтами потому, что пережили трагедию войны, прошли испытание чувств и душ по высшим трагедийным меркам.

Война с жестокой беспощадностью заставила сердце поэта пройти через все народные муки и страдания, очиститься от романтической шелухи и мишуры, от многословья и поэтических красок.

На мой взгляд, лаконизм в стихах предполагает особую мужественность поэта. Есть вещи, о которых писать слишком трудно. Еще труднее о них молчать. И совершенно невозможно быть многословным перед лаконичными строками С. Наровчатова:

Запоминал над деревьями
пламя,

И ветер, разносивший
жаркий прах,
И девушек,
библейскими звездами
Распятых
на райкомовских дверях.

Степень становится предельной. Поэт постигает высшую правду искусства — простоту.

— Как взаимодействуют в поэзии эти два полярных понятия: простота и сложность?

— Я за поэзию сложную в том смысле, чтобы она поднимала сложные проблемы человеческого бытия, но при этом говорила бы о сложном простым человеческим языком. Люблю раннего Тихонова. Уверена, что к нему еще вернутся. Особенно интересным, на мой взгляд, является сопоставление военных стихов двадцатых и сороковых годов, которое позволяет судить о развитии в его творчестве военной темы.

К нашему поколению вполне применимы слова Тихонова: «Жизнь учила велью и винтовкой».

— Что вы думаете о современной поэзии? В каком соотношении находится поколение поэтов старшего возраста и вновь пришедших в поэзию за последнее десятилетие?

— Могу сказать, что нам все-таки дьявольски повезло, как и всему поколению молодых поэтов, пришедших на фронт прямо со школьной или студенческой скамьи.

Нам помогла собственная юность: будь мы немного постарше, мы не прошли бы настоящей окопной школы, не стали бы бойцами переднего края. Может быть, поэтому я всю жизнь не перестаю чувствовать себя рядовой и в литературе. Этих бойцовских качеств порой не хватает молодым современным поэтам. Поэт мужества и чести Семен Гудзенко прекрасно понимал пользу окопной школы:

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Кстати, строфа эта дала название моей автобиографической повести, в которой описано, как произошло наше схождение «с тех вершин» в поэзию.

— Недавно, проезжая в скоростном экспрессе через Тобол, я зримо представила, как именно в этом месте одернималь девочка «форсировала» рену, чтобы попасть в Ялуторовский военкомат с единственной целью — быть на передовой. Сцена эта описана с изрядной долей юмора в вашей автобиографической повести «С тех вершин...», где чисто терминская солдатская смекалка не изменяет героине...

— А как же, юмор выручает не только солдата, но и писателя. Многим писателям из числа молодых как раз его порой и не хватает. С какой серьезностью они копаются подчас в тривиальных чувствах, мыслях, поступках! Что, кроме таланта, естественно, нужно поэту, чтобы в читателе найти единомышленника? Необыкновенный накал чувств, подлинная страсть, значительность мысли, гражданственность позиции. Без всего этого мертво даже отлично сде-

ланное стихотворение. Какой мерой человеческой усталости измерить строки Сергея Орлова:

Прилечь бы на траве
сожженной,
Хоть на обочине в пыли,
Уснуь,

не сняв комбинезона,
Из рта не выплонуэ земли...

Каждое слово здесь объемно, оно имеет и цвет и вкус: чувственную мертвый запах гари, вижу черную траву, ощущаю безмерную, нечеловеческую усталость от самого тяжкого на свете — ратного — труда.

Окопная школа, фронтовая закуска помогли нам во многом. Ведь, кроме таланта, поэт должен обладать умением крепко держаться в поэтическом седле. А вот этому умению нас научила жизнь. Близость смерти заставила нас понять, что такое настоящие человеческие ценности и на всю жизнь оградила от таких мелких, но пагубно действующих на творчество «болезней», как тщеславие, зависть, суетность, карьеризм.

Сколько лет прошло, сколько «новых волн» поднялось и улеглось в поэзии, сколько «звезд» зажигалось и гасло на поэтическом небосклоне, а поэты-фронтовики оставались верны самим себе, шли каждый своим большаком, терпя поражения и одерживая победы.

— Каких же качеств, по вашему мнению, не хватает многим современным молодым поэтам?

— Поэтической индивидуальности, гражданской позиции, человеческой судьбы, наконец. Что формирует индивидуальность? В конечном итоге — активная жизнедеятельность, эмоциональная напряженность, внутренний слух, то есть умение слушать то, что звучит в сердце, на что отзывается душа. Больше всего следует бояться вещиизма, карьеризма, желания тихой и непильной работы. Словом, постоянно следует проверять свой талант на жизнестойкость. Большое счастье — найти свое место в жизни, и в этом смысле нет никого несчастнее человека, поверившего в свой мнимый успех и не сумевшего удержать своих позиций, закрепиться на достигнутом, чтобы неумолимо идти дальше и выше.

— Поэзия, как и проза, требует точности формы, зрелости мысли, верности чувству. Что вас заставляет обращаться к прозе?

— «Года к суровой прозе клонят»... А кроме того, в прозе находит свое выражение все то, что выходит за рамки стихотворения. Проза расширяет контакты поэта с миром, природой, временем. Недаром в последние годы многие поэты обращаются к этому жанру.

— В этом смысле проза, как и поэзия, вероятно, служит средством человеческой коммуникации, духовного общения людей разных поколений, перед которыми жизнь не устает ставить огромные нравственные и социальные задачи?

— Безусловно. Но все-таки нельзя забывать, что каждое поколение живет своей особой внутренней жизнью. И память у каждого особая. Человек, прошедший войну, не забудет ее никогда. Я по-прежнему себя ощущаю рядовой, выполняя свой долг:

Я — связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесением из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Думаю, что и в наши дни поэту требуется немало гражданского мужества, чтобы быть самим собой, не изменять своему творческому пути, быть верным идеалам своего поколения.

Беседу вела
Мargarита НОГТЕВА